

Материалы были подготовлены для веб-публикации и размещены, по согласованию с автором, на сайте «Великая французская революция» Юрием Карякиным (СПб) в 1999-2003 гг. Данный файл в библиотеке [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru) является копией, в которую мы внесли некоторые тематические ссылки.

С.Ф.Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Брянского педагогического университета. Ссылки на другие его работы и сведения о научной и преподавательской деятельности: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#blum>

Блуменау Семен Федорович

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КОНЦА XVIII в. в СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ПОЛЕМИКЕ

Статья опубликована в журнале «Вопросы истории», 1998, N 9, с.141-150.

Великая Французская революция - классическая тема в исторической науке. Это особенно ощущается во Франции. Во французской историографии не раз происходило глубокое обновление и документальной базы, и методов исследования этой темы, отдельных сюжетов, к ней относящихся, а также целостных научных парадигм.

В послевоенное двадцатилетие усилилось и стало преобладающим внимание к социально-экономическим вопросам, к глубинным течениям общественной жизни. Интерес к экономике и социальным отношениям был связан не только с общей тенденцией, характерной для французской исторической науки в этот период, но и с длительной, берущей начало с Ф.Минье, историографической традицией, определявшей эту революцию как антифеодальную и буржуазную. Под влиянием марксизма она получила в XX в. новый и сильный импульс. Ж.Жорес и его последователи выводили революционный взрыв из социального противостояния между буржуазией и феодальным дворянством, крестьянами и сеньорами-ретроградами.

Данная интерпретация уже в первые послевоенные десятилетия подтачивалась результатами конкретно-исторических исследований. Так, они в ином свете представляли то, что происходило с сеньорией. В диссертации П. де Сен-Жакоба "Крестьяне Северной Бургундии в последнем веке Старого порядка", в статьях П.Дейона и Ж.Дюпакье(1) внимание обращалось не только на рост повинностей, но и на вытеснение крестьян с земли и расширение непосредственных владений сеньора, наступление на общинные сервитуты, "закрытие" лесов, приток в деревню городских капиталов. Модернизации в духе физиократов способствовала и реформаторская политика абсолютизма: поощрялся триаж, были разрешены огораживания, принята королевская декларация о распашке нови. Вопреки марксистской трактовке оказалось, что сеньория не осталась в стороне от перемен.

Позднее критика прежних воззрений на сеньорию была продолжена и углублена в рамках неприятия социально-экономического истолкования Французской революции. Главный инициатор пересмотра последнего и лидер возникшего на рубеже 60-70-х годов "ревизионистского" направления Ф.Фюре в программной статье "Революционный катехизис" отрицал наличие феодализма как в принципиальном плане, так и с точки зрения весомости сеньориальных повинностей(2). Он имел в виду отсутствие в XVIII в. вассально-ленных отношений, личной зависимости крестьян, а также сравнительно небольшие размеры изъятия из совокупного крестьянского продукта. Отмечая, что фермаж, издольная аренда и эксплуатация домена приносили доходов больше, чем повинности, он настаивал на эволюции сеньории в сторону капитализма. В свою очередь Э. Ле Руа Ладюри указывал, что благодаря взаимодействию сеньоров и крупных арендаторов домен становился источником деловой активности и экономического роста(3). В этом свете антисеньориальные волнения изображались как ретроградные. Справедливо ссылаясь на новые черты в хозяйственной жизни домена, историки-"ревизионисты", увлеченные полемикой с марксистами, нередко "забывали" о живучести консервативных элементов сеньориальной системы. Но так или иначе, традиционное видение роли сеньоров и держателей в предреволюционной деревне, а также характера крестьянских выступлений было оспорено.

Разрушению образа дворянина-ретрограда во Франции конца XVIII в. способствовало и более интенсивное изучение активности второго сословия в промышленности и торговле. В этой связи должны быть упомянуты труд Г.Ришара о деловом дворянстве и книга Г.Шоссинар-Ногаре "Дворянство в XVIII в.: от феодализма к Просвещению"(4). Историки отмечали тягу некоторых дворян к нововведениям. Так, герцог Орлеанский открыл в 1791 г. первую хлопчатобумажную фабрику с паровым двигателем. Именно дворяне возглавляли предприятия, оснащенные самой передовой для того времени техникой и насчитывавшие большое количество рабочих: копи Анзен и Кармо, заводы Крезе и Нидербрунн. Дворянство превалировало в угледобыче и железоделательном производстве, контролировало отрасли промышленности, устремленные в будущее (например, химическую), господствовало в акционерных обществах. И хотя речь шла лишь о части дворян, притом небольшой, стало ясно, что однозначные оценки всего этого сословия как экономически реакционной силы не выдерживают критики.

Еще более далеким от истины оказалось представление о материальном неблагополучии дворянства, его разорении к концу Старого порядка. В тщательнейшем исследовании "Состояния и социальные группы в Тулузе" Ж.Санту(5) установил, что местные дворяне были в среднем в десять раз богаче буржуа, выглядевшими по сравнению с ними "бедными родственниками". Было бы неправомерно экстраполировать тулузский пример на всю страну, но несомненно, что реальная картина резко расходится с марксистскими суждениями о богатой буржуазии, закономерно идущей на смену клонящемуся к упадку дворянству.

Сильно непохожей на предложенный в свое время Жоресом образ оказалась французская буржуазия предреволюционной поры. Современные исследователи обнаружили в тогдашней Франции две буржуазии. Первая - "капиталистическая буржуазия" - включала собственно предпринимателей, а вторая - "пассивная" - состояла из земельных собственников, домовладельцев, рантье. Уже упоминавшийся Санту доказал, что в Тулузе главным источником доходов богатых ротюрье была разного рода недвижимость. Собственно же "фабрикантов" насчитывалось немного, да и в материальном плане они сильно отставали от "пассивной буржуазии". Этот автор показал, что, если в Тулузе имело место слабое развитие промышленности и торговли, то по-видимому по-иному обстояли дела в центрах экономической активности: Бордо, Лионе, Марселе, Нанте, Руане. Американский историк Д.Тейлор(6), опиравшийся на большой эмпирический материал, подсчитал, что даже в Бордо на 700 предпринимателей приходилось 1100 человек, которым доходы приносили должности, земли, рента. В масштабах всей страны предпринимательство обеспечивало только 20% богатства". Движимая собственность, успехи которой к 1783 г. так высоко оценивал участник революции А.Барнав, а затем классическая наука XIX в. и подхватившая у нее эстафету марксистская историография, оказалась в действительности не столь могущественной, чтобы послужить важнейшим основанием для революционного сдвига.

Современный анализ политического поведения представляющих эту форму собственности промышленников и торговцев заставляет усомниться в радикализме их настроений и тем более в способности возглавить революцию. В пользу такого вывода свидетельствуют результаты исследования Ж.-П.Ирша(7), предпринявшего анализ прошений торговых кругов, направленных королевскому правительству в 1788 году. Эти документы отразили двойственную позицию негоциантов, у которых известное стремление к свободе сочеталось с просьбами о покровительстве со стороны властей и проведении протекционистских мер. Показательна и критика последовательных сторонников экономического либерализма физиократов в этих прошении. Потребовался пересмотр традиционной трактовки взглядов торгово-промышленной буржуазии в канун революции относительно перспективы развития экономики страны.

Значительный вклад в изучение предпринимательских элементов той эпохи внес анализ их политических устремлений и деятельности в годы революции. Здесь мнения современных историков нередко сходятся, а их разрыв с Жоресом и его последователями становится еще более очевидным. Первый автор, подвергший еще в 50-е годы "ревизии" социальную интерпретацию Французской революции, то есть видение ее как буржуазной и антифеодальной, англичанин А.Коббен констатировал, что в Генеральных штатах третье сословие представляли, в основном, люди судейские, чиновники, представители свободных профессий, тогда как торговцев и промышленников было всего 84 из 648(8). Интересно, что и его оппонент, настаивавший на буржуазном характере революции, французский ученый М.Рейнар соглашался с Коббеном относительно первенствующей роли "буржуазии таланта" и весьма скептически оценивал политическую активность деловых кругов(9). Он противопоставлял торгово-промышленную буржуазию интеллектуалам, полагая даже, что первой была чужда революционная идеология. Американские историки и вовсе отводили ведущие функции в начальный период революции выходцам из привилегированных сословий. Э.Эйзенштейн имела при этом в виду инициаторов политических выступлений 1788-1789 гг., а Р.Палмер - состав "партии патриотов" в Учредительном собрании(10).

К характеристике двух буржуазии в своем впечатляющем полотне социальной жизни внутреннего Прованса вернулся известный французский ученый М.Агюлон(11). На локальном материале департамента Вар он убедился, что политический персонал революционной эпохи рекрутировался больше из "старой буржуазии" - землевладельцев, людей свободных профессий, юристов. Все 8 человек, избранных от третьего сословия в Генеральные штаты, принадлежали к этой категории, а в Законодательное собрание пробился только один предприниматель. Схожая тенденция, по наблюдениям автора, прослеживалась и на уровне местной администрации. Правда, в дальнейшем в политику вошло "поколение людей, более внимательных к экономическим мотивировкам" и наряду с 4 представителями "старой буржуазии" в Конвент избрали трех негоциантов. После революции заметно возрос и социальный престиж предпринимательства. Но даже в наполеоновское время из 600 нотаблей департамента к торгово-промышленным кругам принадлежало чуть более 100, а остальные - относились к той части буржуазии, что доминировала прежде. Со своей стороны, крупнейший знаток истории Директории Ж.-Р.Сюрато указал на сохранение в Законодательном корпусе ведущих позиций "малокапиталистической" буржуазии, курс которой нередко игнорировал интересы деловых людей, в частности, банкиров(12).

Подводя некоторый итог, нетрудно убедиться, что к 70-м годам были отвергнуты прежние представления о сеньории, экономической деятельности дворянства и буржуазии в предреволюционной Франции, роли предпринимателей в революционных событиях. Поскольку все это и составляло классическую социальную интерпретацию Французской революции, то оказалась развенчанной и она.

Отказ от традиционного видения истории революции и формирование новых взглядов на нее почти не были разорваны во времени. Суть того, что происходило во Франции в конце XVIII в., историки-ревизионисты" усматривали в борьбе за свободу. Этот тезис особенно энергично разрабатывался ближайшим единомышленником Фюре Д.Рише(13). Он писал о длительной традиции нападок на неограниченную королевскую власть, с которыми выступали публицисты-монархомахи XVI в., деятели парламентской Фронды, анонимный автор "Вздохов поработенной Франции" и такие писатели, как Ф. де С.Фенелон (1651-1715) и герцог Л. де Р. Сен-Симон (1675-1755). Решающие сдвиги произошли в период с 1750 по 1850 гг.: в его начале просветители выработали контрмодель политического устройства, а в конце утвердилась либеральная система. Важной вехой на этом пути стала Французская революция, трактуемая как революция либерализма и Просвещения.

Среди ученых, активно поддержавших Рише, специалист по новой истории Франции - П.Губер. В учебной книге "Старый порядок" он также обращался к развитию идеи свободы в предреволюционную пору, отмечая, что ведущую роль в ее разработке сыграли представители дворянства, и, в частности тот же Сен-Симон. Как и Рише, Губер полагал, что эти идеалы способствовали сближению дворян с верхами третьего сословия, их слиянию в "элиту", подготовившую "единственную революцию, о которой мечтали наиболее основательные головы: конституционную и либеральную монархию"(10).

Притом, что борьба за либеральные ценности играла огромную роль в революции, толкующая об этом концепция "ревизионистов" оставляла ряд трудноразрешимых вопросов. Не случайно акцент в данной научной версии делался на первом этапе революции, когда прорыв к свободе был действительно впечатляющим. Но в дальнейшем положение осложнялось. Историки даже квалифицировали период 1792-1794 гг. как время "заноса" революции: ведь свободы печати и слова были свернуты, в политике господствовали диктатура и террор, а в экономике - регламентация. При этом они связывали либерализм с деятельностью "элиты", отдавая себе отчет, что по ходу революции простой народ предпочел свободе равенство.

Но трудности возникали и в связи с рассуждениями об основном носителе либеральных ценностей - "элите". Ведь значительная часть дворянства в самом начале революции, когда идеалы свободы едва стали осуществляться, уже выступила против революционного движения. В своих работах Рише должен был коснуться раскола антиабсолютистских сил, справедливо заметив, что многие дворяне не желали расстаться со своими привилегиями. И хотя он счел этот конфликт второстепенным по сравнению с сотрудничеством обеих частей "элиты" в деле обретения свободы, его трактовка характера Французской революции оказалась уязвимой.

Констатация слабых сторон нового видения Французской революции потребовала стимулировать дальнейший теоретический поиск. Инициативу взял на себя Фюре. В его книге "Размышлять о Французской революции"(15) в качестве главной фигурировала уже идея не свободы, а равенства. Именно она была центральной в политической философии XVIII века. Равенство противостояло всей организации старого общества, основанного на привилегиях и представлявшего собой сложный мир рангов и различий. Подчеркивая, что революция обеспечила переход страны от абсолютной монархии к представительному режиму, автор указал на мировой приоритет Франции в деле утверждения гражданского равенства. Уникальность Французской революции Фюре усматривал в том, что она представляла собой "первый опыт демократии". Новый вариант интерпретации революции историками-"ревизионистами" устранял ряд противоречий, присущих прежнему, предложенному на рубеже 60-70 годов. Отпал мешавший органическому восприятию революции тезис о ее "заносе" в 1792-1794 гг., поскольку сфера действия принципа равенства в этот период, напротив, расширилась. И хотя его понимание было в лагере революции очень разным, сворачивать с пути гражданского равенства здесь никто не собирался.

Всестороннее развенчание традиционной социальной интерпретации побудило и часть историков, приверженных "классическому" видению и марксистскому толкованию, отказаться от некоторых прежних взглядов. Поворот произошел, например, в воззрениях Ф. Готье, ранее близких к историческому материализму, и другого исследователя аграрника Г. Икни, что нашло отражение в статьях сборника "Хлебная война в XVIII веке"(16). Авторы оспаривали свойственное марксистам и неолибералам представление о росте производства как главном мерило общественного прогресса. Сами же они полагали, что и в период революции, и в последующем центральной была проблема прав человека. Подход, заслуживающий внимания, ибо, во-первых, эта проблема занимала огромное место в идеологии Просвещения и требовала переустройства общества на справедливых основаниях и законах, а, во-вторых, потому что она осталась жгучей и в XX в. в связи с возникновением тоталитарных режимов, исключавших права личности. Нельзя не видеть также, что конфронтация из-за свободы и гражданского равенства, в которой "ревизионисты" видели ключ к объяснению сути революции, - составная часть борьбы за права человека. В этом свете трактовка Французской революции не как буржуазной, а как первой в истории революции, утвердившей права человека и гражданина, выглядела и симптоматично, и перспективно.

Но реестр прав, предложенный Готье и Икни, оказался узким. Наряду с правом на существование упоминались лишь права на вспомоществование, труд и образование. Все эти, по существу, социальные права авторы отнесли к политике, противопоставив ее экономике, прежде всего, "экономическому либерализму", рыночным капиталистическим порядкам. Подчеркивалось, что возвращенная после гибели М.Робеспьера экономическая свобода обернулась для обездоленных выбором между голодной смертью и проституцией для женщин и участием в завоевательных войнах для мужчин. Такая практика подкреплялась конституцией 1795 г., в которой даже отсутствовало понятие "естественное право". В отличие от деятельности Директории якобинский курс, который "утверждал необходимое подчинение экономического политическому" и предусматривал, в частности, ограничение права собственности, характеризовался этими историками апологетически. В заслугу якобинцам они ставили не только защиту вышеозначенных прав, но и - совершенно необоснованно - политической свободы. В результате получалось, что линия Революционного правительства - это "политический либерализм всеобъемлющего естественного права", а его падение - конец прав человека.

При безусловной плодотворности исходной посылки - стремления рассмотреть революцию сквозь призму достижений и неудач в обеспечении прав человека - представленная Готье и Икни картина оказалась далекой от исторической действительности. Среди перечисленных авторами фундаментальных прав совсем отсутствовали политические свободы, а идеализируемые ими якобинцы с последними как раз и не считались. Хотя экономические свободы и право собственности в реальной жизни порой вступали в противоречие с отдельными социальными правами, было бы неправомерно исключать их из совокупности прав человека. Наконец, права человека и гражданина, занесенные в конституционный акт, могли вовсе не соблюдаться на практике, как это и было при якобинцах, чья диктаторская и террористическая линия не может называться "политическим либерализмом".

Другие выводы Готье и Икни кажутся более резонными. Конечно, конституция 1795 г. отличалась от своей якобинской предшественницы меньшим демократизмом; в ней не упоминались права на образование и вспомоществование. На практике была сильно ограничена политическая самостоятельность широких слоев населения. Но нельзя забывать, что термидорианцы открыли двери тюрем, избавили тысячи людей от постоянной угрозы для жизни, восстановили политические свободы.

В конце 80-х - первой половине 90-х годов политическая история, уже пользовавшаяся растущим вниманием в предыдущее десятилетие, стала преобладать в изучении Французской революции. Это объяснялось не только и не столько "усталостью" от господствовавшей ранее социально-экономической проблематики, сколько разочарованием в возможностях этого подхода. Обращение к экономике Старого порядка мало что давало для понимания поворотов и перипетий революции. Все больше надежд возлагалось на то, чтобы раскрыть ее содержание, концентрируясь на политической истории собственно революционного периода. Немало сторонников "классической" интерпретации, до того ориентированных на марксистские постулаты, перестало считать, что политическое поведение людей непосредственно проистекало из их классовой принадлежности, а последняя определялась местом человека в производстве. По мнению этих историков, в образовании общественных "страт" главную роль играли представления самих участников революции о расстановке сил.

Для изучения представлений людей понадобилась иная источниковая база. Место налоговых документов, описей сеньориальных повинностей (терье) и им подобных материалов заняли "тексты революции": конституционные и законодательные акты, петиции и газетные статьи. Среди методов исследования на первый план вышла герменевтика, способная выявить, какой смысл вкладывали современники революции в ее идеи, принципы, лозунги. Речь шла о свободе, равенстве, правах человека и многих других понятиях. Что же касается истолкования революции, то многие историки ссылались, на права человека и гражданина как важнейший показатель ее достижений.

Проблема оказалась в центре дискуссии между двумя противоборствующими направлениями в историографии: "классическим" и "ревизионистским" или, как его сейчас, порой, называют, "критическим". Рассматривая конституционные акты и развернувшиеся вокруг них дебаты, представители первого сводили проблему к тому, насколько широко присутствовали в этих документах ссылки на естественные права и суверенитет народа. Историки "критического" направления видели в провозглашении прав человека отправной пункт, задумываясь над тем, удалось ли создать на данной основе жизнеспособную политическую систему.

Об интересе к рассматриваемой проблематике свидетельствовала специальная публикация конституционных текстов и их обсуждений в революционных ассамблеях, сопровождаемая аналитическими статьями и заметками сторонников "классического" истолкования М. Рибериу, А. де Бека, Д.Година(17). Эти авторы прочертили путь завоеваний в революции естественных прав человека, главными вехами которого определили декларацию 1789 г. и конституцию 1793 года. Отмечалось, что и "социальные права", характерные для последней, предлагались Э.-Ж.Сийесом еще в его проекте, направленном в Конституционный комитет Учредительного собрания. При этом Рибериу образно назвала Декларацию прав человека и гражданина 1789 г. "королевой-матерью", а документ 1793 г. "несколько мятежной дочерью", имея в виду радикализм последнего. С симпатией констатировали составители сборника, что в этой новой декларации прав среди главных принципов, провозглашенных революцией, равенство заняло первое место, а в тексте конституции говорилось о правах на сопротивление угнетению и на образование, столь импониовавших санкюлотам. Как бы полемизируя с оппонентами, они упирали на реальную значимость конституции 1793 г., напоминая, что ее восстановления требовали повстанцы из Сент-Антуанского предместья в 1795 году. Термидорианская же конституция 1795 г., особенности которой взвешенно объяснила Рибериу, была, однако, исключена авторами из магистральной линии борьбы за права человека и даже текст ее не представлен в сборнике.

Еще определеннее расставляли акценты известные своей склонностью к марксизму ученые из лаборатории лексикометрии и политических текстов Высшей нормальной школы Сен-Клу. В опубликованном в 1991 г. коллективном анализе состояния историографии "Исследования Революции"(18) Ж. Гийому отмечал огромный потенциал демократии 1789 г. с точки зрения борьбы за естественные права человека, указывая, однако, что он не мог еще реализоваться в полной мере из-за ограниченного влияния масс на развитие событий, и лишь позднее в практике робеспьеристов "политический синтез, лежащий в русле декларированного естественного права, достигает своей кульминации". И напротив, по словам Я.Боска, после термидора ссылки на естественные права становились редкими, исчезали. Отталкиваясь от этого, Гийому и Ф.Брюнель рассматривали указанный период не только как "реванш" по отношению к Республике II г., но и как разрыв с отправной точкой - 1789 годом. Они даже объявили, что революция закончилась в 1795 году.

Таким образом, наиболее прочной и главной частью "классической" версии французской революции стала ее проробеспьерская трактовка. По существу же, интерпретация, доминировавшая во Франции чуть ли не полтора века, оказалась выхолощенной в работах многих, кто считал себя продолжателем давней научной традиции, поскольку они отказались от социально-классового подхода к революции. Не отсюда ли настороженность, если даже не раздражение ортодоксальных марксистов, в частности, М.Вовеля, ссылавшегося на опасность "политизации" и "психологизации" революционной истории?

Со своей стороны, "ревизионист" М.Гоше в труде "Революция и Права человека"(19) стремился понять, почему утверждение этих прав во время революции не привело к созданию жизнеспособной политической системы. Главную причину неудачи он усматривал в том, что не удалось достичь баланса между правами индивида и требованиями общества в целом. Франция тяготела к отправлению народного суверенитета всеми, но в форме единой общей воли, а не отдельной самостоятельной роли каждого. Подобная линия находила опору в недавнем прошлом, когда монархия выступала от имени всех подданных; она соответствовала и политическим проектам

столь чтимого революционерами Ж.-Ж.Руссо. Тем самым государство сливалось с обществом и подчиняло его себе.

Совсем иначе обстояли дела в Америке, с опытом которой автор сопоставлял французский. Здесь гражданская и политическая сферы оказались четко разделенными, Упор делался на защиту независимых собственников и их прав от покушений со стороны государства. Отсюда стабильный демократический режим в стране. Во Франции же право частной собственности, которое, как ясно давал понять автор, является важнейшей предпосылкой автономии человека в его отношениях с властью, уже в декларации 1789 г. стояло на заднем плане. Поэтому жесткое подчинение граждан государству при якобинцах, по мнению историка, коренилось в установлениях начала революции.

Споры о содержании Французской революции сочетались с размышлениями о ее месте в длительной исторической перспективе. Но, если раньше революцию рассматривали сквозь призму мутаций в сфере экономики и социальных отношений, то теперь- в свете перемен в умонастроениях, духовной жизни, культуре. Инициаторами здесь выступили Ф.Лебрен и М.Вовель.

Первый в своих исследованиях(20) приходил к выводу о господстве традиционных вековых представлений и соответствующего им поведения в дореволюционной Франции. Касаясь института семьи, он показал, что отношение к детям было тогда иным, нежели то, к чему мы привыкли. Огромная детская смертность делала родителей маловосприимчивыми к кончине собственного малыша. Слабыми были воспитательные функции семьи; навыки поведения в обществе ребенок обретал вне ее.

Ощущалось влияние церкви на брачную жизнь. Восхваляя длительное воздержание и целибат, сводя интимные отношения семейной пары только к рождению детей, контрреформаторская церковь способствовала позднему заключению брака, когда жениху было в среднем 27-28 лет, а невесте- 25-26. Воздействие религии сказывалось и на темпах внедрения контрацепции. Разделив супружеские пары на четыре типа в соответствии с интервалами в рождении детей, автор резонно заметил, что там, где промежутки во времени превышали 4 года, речь могла идти либо о стерильности, либо о применении контрацепции. Проанализированные по небольшому городу Мелан данные показали, что по такому типу в 1660-1738 гг. шло деторождение в 9,7% семей, а в 1740-1789 гг.- уже в 20,9%. Явный же сдвиг имел место в революционный период и после него, в 1790-1814 гг., когда данная модель супружеской жизни стала характерной для 46,5% семей.

Постепенно и достаточно медленно менялось отношение французов и к другим фундаментальным явлениям жизни. Если церковь представляла болезни божьей карой, требуя от больных молитвы и раскаяния, то элитарные круги во второй половине XVII в. рассуждали о средствах предупреждения и борьбы с эпидемиями, таких, как соблюдение правил личной гигиены, использовании лекарств, определенного режима питания. Об изменении отношения к смерти свидетельствовал отказ от захоронений в церкви и даже в пределах города. Как подчеркивал автор, прежняя практика исходила из верности памяти усопшего и сильных религиозных чувств, тогда как новая - была связана сугубо с заботами об общественной гигиене, о том, чтобы удалить мертвых подальше от живых.

Но заключения Лебрена пессимистичны: при Старом порядке новая ментальность ощущалась, главным образом, в среде дворян и буржуа, однако она слабо затрагивала "народные классы", умами которых она будет овладевать на протяжении всего XIX века. При этом поворотную роль сыграл революционный период. "Глубокое потрясение системы ценностей, которое вызвала революция, способствовало распространению во всех слоях общества той практики, которая во второй половине XVIII в. была свойственной лишь меньшинству"(21).

Перемены в менталитете французов не менее активно изучал Вовель, доказывавший, что они начались раньше. В вышедшей в канун 200-летия революции работе "Революция против церкви", этот историк настаивал на том, что фундаментальный поворот определился уже в середине XVIII в., когда изменилось отношение к смерти, а характер праздников также перестал быть прежним(22). В опубликованном тогда же под его редакцией коллективном труде "Состояние Франции во время революции" Вовель писал о сдвигах в массовом сознании, которые стали заметны с 1750 г. и проявлялись, в частности, в непопулярности монашества и упадке орденов, в предпочтении, отдаваемом светской литературе перед религиозной(23). В своем известном исследовании об "отречении" священников и дехристианизации II г. республики ученый связывал этот революционный феномен с длительной десакрализацией умов еще при Старом порядке(24). Необходимые данные для такого заключения дал Вовелю анализ тысяч завещаний жителей Марселя на предмет того, содержали ли они просьбы о посмертной мессе. Этот своеобразный тест показал, что, если в начале XVIII в. подавляющее большинство французов оставляло благочестивые распоряжения, то перед революцией о мессе просило только 40% буржуа, 50% розничных торговцев, 35% ремесленников и 40% наемных работников. События 1789-1799 гг. не вызвали неожиданного утверждения в умах чего-то совершенно нового, возникшего на пустом месте. "Французская революция выглядит как момент истины в истории дехристианизации и этап ломки христианской цивилизации",- подчеркивал Вовель в вышедшей в 1993 г. книге "Открытие политики"(25).

Сочетая марксистские взгляды с присущими школе "Анналов" подходами, он всегда вписывал революционную драму конца XVIII в. в "долгое время". С одной стороны, она выступала венцом предшествующей эволюции, закрепляла ее результаты. В исследовании "Метаморфозы праздника в Провансе с 1750 по 1820 гг." Вовель констатировал, что, если революции не удалось установить новую модель праздника, то старую, умиравшую она "выкорчевала безвозвратно"(26). С другой стороны, для некоторых новых тенденций в сознании людей революция стала катализатором. Она обозначила такие сдвиги, наследие которых ощущается в общественной психологии и в наши дни.

Проблема связи между переменами в умонастроениях французов и революцией привлекала все больше исследователей. При этом версия Вовеля о далеко зашедшей ко времени революции десакрализации сознания встретила серьезное противодействие. Специалист по вопросам религии и церкви, знаток истории юга Франции Ж. Шолви, рецензировавший книгу Вовеля о дехристианизации, подчеркивал, что тот недооценил силу давления властных структур на священников, страх, влиявший на их поведение(27). Показательно, что во время "разрядки" в III г. республики в Марселе 40% "отрекшихся" возобновили свои функции. Антиклерикализм, по словам историка, получил распространение в определенных географических и социальных "секторах", но практически не затронул массы на юге. Здесь широким слоям населения была свойственна глубокая религиозность, не ограничившаяся привязанностью к местным кюре, но проявлявшаяся в защите веры и обрядов. Южане спасали и восстанавливали символы культа, отказывались отмечать в качестве выходного дня "декады"; в регионе росло число тайных молелен.

Тема была продолжена на международном коллоквиуме в Ниме "Религия, революция и контрреволюция на Юге"(28), материалы которого были опубликованы в 1990 году. Многие из выступавших говорили о противодействии большинства населения региона церковным и связанным с ними нововведениям, об их вызванной этим недолговечности. Шолви доказывал, что реформы в сфере религии насаждались сверху, тогда как сопротивление им носило массовый и плебейский характер. По его мнению, религия являлась одной из опор народной культуры. Со своей стороны, М.Риу объяснял "большой возврат" к религии в начале XIX в. тем, что от индивидуализма, принесенного революцией, люди из-за бремени личной ответственности "бежали" к традиционным представлениям в поисках решения своих проблем. В докладе, касавшемся смены названий коммун в департаменте Гар, А.Дебан указала на кратковременность и эфемерность произошедшего, ибо им скоро вернули прежние или дали имена святых. В выступлении О.Дево из Тулузы речь шла о такой форме сопротивления революционным

новшества, как неприятие общественных школ. Несмотря на репрессии местных властей, здесь торжествовали частные школы, в коих ведущую роль продолжали играть представители духовенства.

Попытку учесть результаты исследований, дать взвешенную характеристику и, вместе с тем, не погрешить против исторической истины предпринял Шолви в книге "Религия во Франции с конца XVIII в. до наших дней"(29). Он констатировал определенные перемены в религиозном сознании французов в эпоху Просвещения, но одновременно предупредил против упрощенного линейного толкования. Говоря о месте религии в предреволюционной Франции, автор фиксировал внимание на том, что рационалистическое миропонимание исключало таинство. В воззрениях выдающихся философов и шире - в представлениях "элиты" - религиозные мотивы приобрели иную форму, продолжали существовать в виде деизма. В массе городского населения росло несоблюдение пасхальных предписаний, отмечались и другие моменты, свидетельствовавшие об ослаблении религиозного рвения.

Но радикальная антицерковная политика революции и, особенно, якобинского периода не корреспондировала с умонастроением людей. Историк привел впечатляющий хронологический ряд антирелигиозных мероприятий властей, включая депортацию даже присягнувших революционному государству священников. Он доказал, что дехристианизация навязывалась сверху при поддержке меньшинства из революционных обществ на местах. Защита же населением народных форм культа от этого охватила, по его мнению, всю страну. Что до "культурной революции", стремления сформировать нового человека, то Франция конца XVIII в. перещеголяла советскую революцию, ибо ввела революционный календарь, отменила воскресенья и святых. Но эти усилия провалились, оказались в исторической перспективе эфемерными.

Специалисты по религиозной проблематике обращались к непосредственным предпосылкам революции в этой сфере и к ближайшим последствиям, ограничиваясь, как правило, хронологическими рамками от середины XVIII в. до первых десятилетий XIX века. Исследователи же распространения грамотности и чтения, культуры и духовной жизни, массового сознания - Д.Рош, Р.Шартье, Р.Мюшамбле, отчасти возрождая традиции броделевских "Анналов", вписывали Французскую революцию в длительную временную протяженность, охватывающую, по меньшей мере, несколько столетий. По мнению последнего из названных историков, обнародованному в работе "Общество и умонастроения во Франции нового времени"(30), уже с XVI в. возникло два культурных полюса, на одном из которых находилась элита, а на другом - массы, прежде всего, сельские. Стиль жизни "верхов" существенно менялся. Они приобретали "хорошие манеры". Самоконтроль и сдержанность стали органичным элементом поведения элиты. Постепенно под ее влиянием стали цивилизовываться и более широкие слои горожан.

Противоположным полюсом оставалась крестьянская культура, составной частью которой являлась "народная религия", фольклоризированная, смешанная с верой в магию, колдовство. Государство и духовенство стремились направить селян в русло цивилизации, Священники открыли 110 школ для бесплатного обучения 30 тыс. детей бедняков. Но, в основном, контрреформаторская церковь действовала иначе. Наряду с запретами развлечений для крестьян - вечеринок, карнавалов, посещения кабачков, широко практиковалась "охота на ведьм" - в основном, одиноких пожилых женщин - хранительниц народной культуры. Двойственной была и цивилизаторская миссия французского государства.

В целом достижения оказались существенными: росла грамотность в народной среде, а печатное слово получило широкое распространение. Мюшамбле резонно писал о "революции книги", о "культурной предреволюции XVIII века". Конечно, эти явления дали импульс событиям, начавшимся в 1789 году. Но автор обращал внимание и на другую долговременную тенденцию. В этой связи он, не без иронии, отмечал, что никак не связаны с успехами книгоиздания и Просвещением "сентябрьские убийства" 1792 г. и все последующие катаклизмы.

Схожую версию происходившего на протяжении нескольких столетий до революции предложил руководитель исследований Высшей школы социальных наук Р.Шартье. Он также склонялся к мысли о существовании в ту пору двух культур. В частности, характеризуя отношение к печатному слову, историк проводил водораздел между городами, которые выглядели как остров письменной и типографской культуры, и деревенским миром, в котором господствовали устная речь и языки жестов(31).

Размышляя, как и Мюшамбле, над связью между успехами грамотности, чтения, книгоиздания и революцией, Шартье резонно замечал, что знакомство с той или иной книгой совсем не обязательно делает читателя приверженцем изложенных в ней взглядов. В работе "Культурные истоки Французской революции"(32), он не отрицал, что книги содействовали революционному движению и, критикуя традиционные воззрения, расшатывали власть. Но для восприятия заложенных в них идей должны были, в свою очередь, произойти изменения, которые бы надлежащим образом подготовили умы французов. При таком подходе получалось, что и эпоха Просвещения, и период революционной бури явились результатом медленных тектонических сдвигов, частью "долгого времени", которое в своем течении создало условия, делавшие революцию не обязательной, но возможной.

Среди наиболее значимых и глубинных перемен автор делал акцент на десакрализации социальной и духовной жизни. Отмечая определенные колебания в отношении населения к вере, Шартье подчеркивал, что в главном эта тенденция прослеживалась отчетливо: с XVI по XVIII вв. религию как принцип организации общества заменяли государственные интересы. Десакрализация проявилась и в "потускнении" образа монарха в глазах подданных.

Вообще, касаясь изменений, происшедших во Франции на протяжении веков до революции, историк указывал на их двоякий характер. С одной стороны, имел место длительный процесс смягчения нравов и роста цивилизованности. Но культурная трансформация к 1789 г. была далеко не закончена и не успела еще охватить значительные группы населения. Отсутствовали многие механизмы самоконтроля, что дало о себе знать во время революции, когда прежних запретов уже не стало. С другой тенденцией в умонастроениях и поведении при Старом порядке Шартье связывал двойной террор революционной эпохи - стихийный народный и институционализированный государственный.

Большой интерес вызвал обобщающий труд руководителя кафедры новой истории в Парижском университете Д.Роша "Франция в эпоху Просвещения"(33). Он также ставил вопрос о двух Франциях в XVIII в.: одной - традиционной, крестьянской; другой - более открытой, мобильной. Рош также связывал сдвиги в духовной жизни с ослаблением религиозности, отмечая при этом неспособность церкви к перестройке, невосприимчивость к вызовам времени. Говоря о светскости, о новых культурных ценностях, историк, называл среди их проводников государство и город, но констатировал некоторую двойственность их роли. Активнейшей же силой перемен явилась численно небольшая "элита" - основательница таких форм социальности, которые позволили добиться автономии культурной сферы, ее независимости от абсолютизма.

Рош не впадал в идеализацию, отмечая опасные тенденции в сознании и поведении людей. Он подчеркивал, что в различных формах их активности было интегрировано насилие, которое сопровождало и досуг, и общественные дела, и частные конфликты. Тяга к насилию не была изжита, несмотря на рост цивилизованности; она широко выплеснулась на политическую арену в революционные годы.

После второй мировой войны французская историография революции прошла долгий и сложный путь. Преимущественное изучение в первые послевоенные десятилетия экономики и социальных отношений вполне соответствовало господствовавшей чуть ли не полтора столетия классической интерпретации Французской революции. Но добытые благодаря этим исследованиям новые сведения подтачивали это истолкование и в конце концов поставили под сомнение буржуазный характер французского революционного феномена. Исследователи стали объяснять катаклизмы конца XVIII в. как, прежде всего, грандиозный прорыв к свободе и демократии. Позднее угол зрения расширился. Революция рассматривалась с позиций достижений или неудач в борьбе за права человека. При всех различиях во взглядах историков-"ревизионистов" и тех, кто еще вчера следовал классической интерпретации и сегодня остается верен проякобинскому истолкованию истории революции, именно права человека остаются своеобразной лакмусовой бумажкой для оценки событий 1789-1799 годов. Менялась и источниковая база исторических исследований. Место материалов, снабжавших исследователей обильными цифровыми данными, заняли тексты революционной поры. Новое - с помощью герменевтики - прочтение конституционных актов, памфлетов, петиций, прессы позволило разобраться в том, какой смысл вкладывали в лозунги революции ее участники, как представляли они себе расклад общественно-политических сил, как трактовали происходившее.

Под влиянием школы "Анналов" историки Французской революции обратились к изучению длительных глубинных процессов, начавшихся задолго до революционного взрыва конца XVIII в. и продолжавшихся значительное время после него. Такие исследователи, как Рош, Шартье, Мюшамбле отказывались, в отличие от Фюре и Рише, видеть в драме 1789- 1799 гг. Революцию Просвещения. Они отмечали, что, наряду с продвижением грамотности, культуры, Французская революция оправдала и другие тенденции, ничего общего с этим не имеющие, более того противоположные росту цивилизованности. Но и сама по себе просветительская идеология не была причиной революции. И Просвещение, и Французская революция имели одни и те же корни и стали возможными благодаря вековым сдвигам в сознании и поведении французов.

В целом, система представлений о революции, предложенная мэтрами марксистской и социалистической историографии, такими, как Жорес, Э.Лябрусс, Ж.Лефевр, А.Собуль, прочно укоренившаяся, как казалось, в середине XX в., сменилась истолкованием, во многом навеянным идеями "Анналов" и их детища - "новой исторической науки".

Тематические ссылки:

[Л.Пименова. Просвещение и «дворянский расизм»: особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII века](#)

[Т.Черноверская. К вопросу о театральной природе политического дискурса Французской революции](#)

[А.Олар. Христианство и Великая французская революция 1789-1802](#)

[А.Олар. Культ Разума и культ Верховного существа во время Великой французской революции](#)

[А.Олар. Церковь и государство в эпоху Великой французской революции](#)

[М.Гернет. Смертная казнь и общественное мнение](#)

[Дж.Рюде. Французская революция \(главы из книги «Народные низы в истории: 1730-1848»\)](#)

[С.Блуменау. Французская революция и гражданское устройство духовенства](#)

[З.Чеканцева. Политические представления французских простолюдинов на исходе Старого порядка](#)

[З.Чеканцева. Открытый протест как волеизъявление: Франция XVII-XVIII вв.](#)

[С.Абердам. Право избирать и право решать в 1793 г.](#)

[А.Собуль. Политические аспекты санкюлотской демократии](#)

[А.Адо. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789-1794 гг. \(2-е изд.\) \(текст, примечания и источники, карты\)](#)

[П.Гениффе. Террор: случайность или неизбежный результат революций?](#)

[Дж.Талмон. Истоки тоталитарной демократии](#)

[В.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в.](#)

[М.Ямпольский. Жест палача, оратора, актера](#)

[Г.Черткова. Об антиномии свободы и равенства и проблеме выбора](#)

[Е.Плимак. Завещание века разума \(глава из книги «Революционный процесс и революционное сознание»\)](#)

[А.Гордон. Великая французская революция как великое историческое событие](#)

[З.Чеканцева. Об исторической природе насилия: Франция XVII-XVIII вв.](#)

[З.Чеканцева. Эпистемологическое обновление историописания и Французская революция XVIII в.](#)

1 SAINT-JACOB P. de. Les paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de l'Ancien Régime. P. 1960; DEYON P. Quelques remarques sur l'évolution du régime seigneurial en Picardie: XVI-XVIII siècles. - Revue d'histoire moderne et contemporaine (RHMC), 1961, № 4; DUPAQUIER J. Structures sociales et cahiers de doléances: L'exemple du Vexin français. - Annales historiques de la Révolution française (AHRE), 1968, № 194.

2 FURET F. Le catholicisme révolutionnaires. - Annales. Économies. Sociétés. Civilisations (A.E.S.C.), 1971, № 2.

3 LE ROY LADURIE E. Révoltes et contestations rurales en France de 1675 à 1788. - A.E.S.C., 1974, № 1; ejusd. L'histoire immobile. - A.E.S.C., 1974, № 3.

4 RICHARD J. Noblesse d'affaires au XVIII siècle. P. 1974; CHAUSSINARD-NOGARET G. La noblesse au XVIII siècle: Du féodalité aux Lumières. P. 1976.

5 SENTOU J. Fortunes et groupes sociaux à Toulouse sous la Révolution (1789 - 1799): Essai d'histoire statistique. Toulouse. 1969.

6 TAYLOR G. Non-capitalist Wealth and the Origins of the French Revolution. - American Historical Review (AHR), 1967, Vol.72, № 2.

7 HIRCH J.-P. Les milieux du commerce, l'esprit de système et le pouvoir, à la veille de la Révolution. - A.E.S.C. 1976, № 6.

8 COBBAN A. The Myth of the French Revolution. Lnd. 1955.

9 REINHARD M. Sur l'histoire de la Révolution française: Travaux récents et perspectives. - A.E.S.C. 1959, № 3.

10 EISENSTEIN E. Who Intervened in 1788: A Commentary on the Coming of the French Revolution (AHR), 1965, Vol.71, № 1; PALMER R. Sur la composition sociale de la Gauche à la Constituante (AHRF). 1959, № 156.

11 AGULHON M. La vie sociale en Provence intérieure au lendemain de la Révolution. P. 1970.

12 SURATTEAU J.-R. Des Elites de l'Ancien Régime aux notables révolutionnaires. В кн. Die Französische Revolution: Zufälliges oder notwendiges Ereignis? München-Vien. 1983. Teil 2.

13 RICHET D. Autour des origines idéologiques lointaines de la Révolution française: Elites et Despotisme (A.E.S.C.), 1969, № 1; ejusd. La France moderne: L'esprit des institutions. P. 1973.

14 GOUBERT P. L'Ancien Régime. T.2. Les pouvoirs. P. 1973, p.210.

15 FURET F. Penser la Révolution française. P. 1978.

16 La guerre du blé au XVIII-ème siècle. P. 1988.

17 Ils ont pensé les droits de l'homme: Textes et débats: 1789-1793. P. 1989.

18 Recherches sur la Révolution: Un bilan des travaux scientifiques du Bicentenaire. P. 1991.

19 GAUCHET M. La Révolution des droits de l'homme. P. 1988.

20 LEBRUN F. Les hommes et la mort en Anjou aux XVII-XVIII siècles. P.; ejusd. La vie conjugale sur l'Ancien Régime. P. 1975; ejusd. Se soigner autrefois: Médecins, saints et sorciers aux XVII et XVIII siècles. P. 1963.

21 LEBRUN F. La vie conjugale, p. 167.

22 VOVELLE M. La Révolution contre L'Église; Du la Raison à l'Ktre Suprême. Bruxelles. 1988, p.15.

23 VOVELLE M. Dieu contesté. В кн. L'Etat de la France pendant la Révolution: 1789-1799. P. 1988.

24 VOVELLE M. Religion et révolution: La déchristianisation de l'an II. P. 1976.

25 VOVELLE M. La découverte la politique: géopolitique de la révolution française. P. 1993, p.13.

26 VOVELLE M. Métamorphoses de la fête en Provence de 1750 à 1820. P. 1976, p.273-277, 283.

27 CHOLVY G. Рец. на книгу: Vovelle M. Religion et Révolution La déchristianisation de l'an-II (AHRF), 1978, № 233.

28 Religion, révolution, contre-révolution dans le Midi: 1789-1799. P. 1990.

29 CHOLVY G. La religion en France de la fin du XVIII-ème à nos jours. P. 1991.

30 MUCHEMBLED R. Sociétés et mentalités dans la France moderne: XVI-XVIII-е siècles. P. 1990.

31 CHARTIER R. Lectures et lecture dans la France d'Ancien Régime. P. 1987.

32 CHARTIER R. Les origines culturelles de la Révolution française. P. 1990.

33 ROCHE D. La France des Lumières. P. 1993.